
ЭДВАРД ЛЮТТВАК

КИТАЙ И ЛОГИКА СТРАТЕГИИ

МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Мировой порядок

Эдвард Люттвак

Китай и логика стратегии

«Издательство АСТ»

2012

УДК 327
ББК 66.4(0)

Люттвак Э. Н.

Китай и логика стратегии / Э. Н. Люттвак — «Издательство АСТ», 2012 — (Мировой порядок)

ISBN 978-5-17-157234-1

Эдвард Люттвак – известнейший специалист по военной стратегии и геополитике. Работал консультантом в Совете национальной безопасности и в Государственном департаменте США, был советником президента Рональда Рейгана. Создатель геэкономике – раздела геополитики, где исследуется экономическая ситуация в различных странах с целью повышения влияния государства с позиций его экономической мощи и обеспечения достижения внешнеполитических целей, мирового или регионального могущества экономическим путем. Основная часть книги посвящена демонстрации неумолимой логики стратегии, которая требует роста сопротивления беспрепятственному возвышению Китая. Автор описывает динамику формирования антикитайского альянса, призванного противодействовать китайской мощи, и дает ряд прогнозов существования в мире, разделенном на Китай и его противников. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 327
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-17-157234-1

© Люттвак Э. Н., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эдвард Люттвак

Китай и логика стратегии

Edward N. Luttwak

THE RISE OF CHINA VS THE LOGIC OF STRATEGY

© The President and Fellows of Harvard College, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Благодарности

Эта книга возникла из исследования, проведенного в 2010 году по заказу Эндрю У. Маршалла, главы управления общих сетевых оценок при министерстве обороны. Мы неоднократно сотрудничали с ним на протяжении ряда лет, и для меня знакомство стало особой привилегией, ведь репутация Маршалла как стратегического мыслителя ничуть не уступает длительности его пребывания в должности: родившийся в 1921 году, он создал управление, которым с тех пор и руководит, в 1973 году. Мне также немало помогли консультации с сотрудниками управления, прежде всего с Дэвидом Ф. Эпштейном, тогда как Адам С. Лавингер оказывал неизменную поддержку на протяжении всего исследовательского проекта. Разумеется, никто из них ни в малейшей мере не несет ответственности за текст книги – это уж моя и целиком моя чаша.

Поскольку это не анализ сил противника и враждебного окружения, а скорее непредвзятая исследовательская попытка объяснить поведение великой державы, расширяющееся сотрудничество с которой выглядит предпочтительным и крайне желательным, но в отношениях с которой не исключено и усиливающееся соперничество, я многое почерпнул из бесед с китайскими друзьями, в том числе со старшими офицерами и уважаемыми правительственными советниками. Кроме того, один из моих самых близких друзей Франческо Сиши прожил в Пекине не одно десятилетие; не соглашаясь со многими моими выводами, он заметно разнообразил мои последние поездки в Китай, которые благодаря ему оказались куда приятнее.

Наконец, с особым удовольствием хочу поблагодарить Майкла Аронсона из издательства «Гарвард пресс»: на протяжении многих лет он выступал инициатором и редактором моих книг, не чурался критики, но всегда был конструктивен.

Предисловие

К описанию современного Китая я приступаю как специалист по стратегии, а не как синолог, ибо универсальная логика стратегии вполне применима к любой культуре и любой эпохе.

Мой текст опирается на документы и работы цитируемых мною ученых, а также других исследователей, но должен признаться, что многое в нем почерпнуто из моих собственных впечатлений от поездок по Китаю: начались эти поездки задолго до того, как страна открылась внешнему миру, и даже в ту пору приводили меня в самые отдаленные уголки. С тех пор, учитывая, что условия для посещения постепенно упрощались, я продолжал ездить в Китай и по Китаю. Благодаря этому обстоятельству я хорошо помню ту жестокую нищету, что царила в стране при жизни Мао Цзэдуна, и мог воочию наблюдать чудесные перемены, которые начались вскоре после его смерти и продолжаются по сей день. Безусловно, отдельные недостатки и изъяны все еще имеются, однако меня несказанно радует улучшение благосостояния и личной свободы китайского народа вопреки по-прежнему строгому регулированию политического пространства, когда ограничиваются как общенациональное, так и этническое самовыражения. Вот почему я смотрю на Китай и его народ не как сторонний наблюдатель, а скорее как человек, вовлеченный в осуществление местных надежд и разделяющий опасения тех, кто давно доказал делом свою приверженность нашей дружбе (эту истинную дружбу я высоко ценю).

Именно поэтому меня печалят и тревожат те грустные и даже губительные последствия, к которым способно привести столкновение быстро развивающегося Китая с парадоксальной логикой стратегии. Пожалуй, в моей книге можно отыскать дополнительную цель, помимо простого анализа сильных и слабых сторон китайской политики: это надежда, пусть наивная и маловероятная, на то, что китайские правители освободятся от присущей им иллюзии, будто поистине планетарный размах деятельности, стремительный экономический рост и не менее стремительное наращивание военного могущества в состоянии сосуществовать и сохраняться в одном и том же мире. Только несбалансированный рост – экономический, но не военный – допускается логикой стратегии для Китая в нынешних условиях, и эту логику нельзя обмануть миролюбивыми заявлениями или хитрыми уловками. Для предотвращения печальных последствий логике стратегии следует подчиняться, даже если она противоречит здравому смыслу и обычным человеческим побуждениям. Стремительный рост благосостояния вряд ли способствует скромности и сдержанности; тем не менее никакое другое поведение невозможно в мире независимых государств, обреченных противостоять столь значительному возвышению Китая, уникальному в своих масштабах.

Глава 1

Иллюзия беспрепятственного возвышения

Сегодня принято считать, что будущее всего мира будет определяться возвышением Китая, то есть продолжением феноменально быстрого экономического роста Китая (пускай в наши дни этот рост немного замедлился) и наглядными естественными последствиями этого грандиозного всплеска экономической мощи – от усиления влияния в региональных делах и на мировой арене до дальнейшего укрепления китайских вооруженных сил. Что ж, это мнение вполне подкрепляется экономическим состоянием Китая после смерти Мао в сентябре 1976 года. Экономика КНР начала быстро расти в 1980-е годы, рецессии если и случались, то были краткими и не слишком сильными, да и признаков структурного замедления темпов роста не видно по сей день, несмотря на три десятилетия экономического бума. Рост валового внутреннего продукта ежегодно превышает 9 % с лишним, что вдвое выше максимального устойчивого прироста экономики Соединенных Штатов Америки и почти втрое выше прироста многих зрелых европейских экономик (не говоря уж о жалких темпах роста на Западе после кризиса 2007 года).

Нет очевидных оснований полагать, будто экономическое развитие Китая должно существенно замедлиться в ближайшем будущем. В сельской местности и даже в непосредственной близости от крупных городов многочисленные работники до сих пор не находят себе полноценного применения, подвизаясь в традиционном сельском хозяйстве, в мелкой уличной торговле и в розничных услугах. По мере того как бедные сельские жители получают занятость в промышленности, пусть даже это ручной труд, в строительстве и в современной сфере услуг, производительность их труда резко возрастает, увеличивая ВВП Китая. Вдобавок нужно помнить об органическом росте современных секторов китайской экономики, среди которых многие сохраняют высокую конкурентоспособность и потому способны быстро развиваться, даже если мировые рынки остывают.

Что касается военных расходов Китая, то за последние годы они, согласно доступным данным, увеличивались не менее высокими темпами, чем экономика в целом, достигая 9 % в год в реальном исчислении: феноменальный рост в эпоху, когда мировые военные расходы, в том числе в США (за исключением расходов на текущие военные действия), преимущественно стагнируют или даже сокращаются¹.

Народно-освободительная армия Китая (НОАК) тем самым получила в свое распоряжение постоянный приток снаряжения, и давно миновали те дни, когда обилие ресурсов не обеспечивало укрепления военной мощи, поскольку все эти ресурсы расходовались на восполнение насущных потребностей, которыми долго пренебрегали.

Денежное довольствие и различные льготы в НОАК сегодня достаточно привлекательны для найма необходимого числа офицеров и солдат при росте занятости в гражданских секторах экономики², а ремонт старых и возведение новых казарм, военных баз, складов и прочих объектов вооруженных сил в основном завершились, и армия может рассчитывать на надлежащее сопровождение и поддержку.

---

¹ Министерство обороны США запросило на 2011 финансовый год 708,3 миллиарда долларов – на 1,3 % больше по сравнению с 2010 финансовым годом, в том числе 159,3 миллиарда долларов на операции в Афганистане и Ираке.

² Мои друзья из военных кругов, например генерал-майор Хуан Син, глава отдела научных исследований Академии военных наук, сетовали на то, что гражданские чиновники пополняют свой доход за счет «коррупции», а потому на должности порой берут не очень-то подходящих людей. Впрочем, НОАК все же имеет возможность привлекать в свои ряды талантливую молодежь, слишком бедную для того, чтобы поступать в гражданские университеты. Кроме того, НОАК заманивает и людей с образованием – скажем, доктору наук без военного опыта сразу полагается чин «шаоцзяо» (Shao Xiao), то есть майора (OF-3 по классификации НАТО).

Покончив с былым отсутствием внимания со стороны властей, НОАК, несмотря на изрядное число случаев мошенничества с поставками (даже бдительные гражданские покупатели, совершая покупки с куда более скромным размахом, нередко становятся жертвами фальшивых этикеток, подделок и мнимого сервисного обслуживания) и откровенное казнокрадство офицерского состава³, сумела приобрести новое вооружение, боеприпасы и сопутствующее оснащение для умножающихся видов вооруженных сил и построить, расширить и модернизировать военные объекты всех типов, одновременно повышая уровень боевой и оперативной подготовки личного состава.

Все это привело к быстрому и комплексному росту военного потенциала – до уровня, который в последний раз был свойственен армии США в годы перевооружения в ходе Корейской войны, а в случае СССР – периоду с конца 1960-х до 1980-х годов.

В обоих случаях несомненный качественный прогресс сопровождался количественным ростом вооружений и личного состава для каждого рода войск; как любили выражаться марксисты, крупное увеличение количества способствует улучшению качества, подытоживая конечный результат. Вот почему, например, расходы на ВВС США в 1950–1960-х годах выросли более чем в три раза, а количество и характеристики самолетов заметно повысились, и боевые возможности ВВС стали не просто лучше, но изменились принципиально – возросли несопоставимо.

Логично предположить, что при сохранении стремительных темпов экономического и военного развития КНР и если мировое влияние Китая будет и далее возрастать, окажутся обоснованными широко распространенные сегодня ожидания того, что Китай вот-вот превратится в главную сверхдержаву, затмив собой Соединенные Штаты Америки⁴.

Но такой исход все же выглядит наименее вероятным, потому что он опровергается самой логикой стратегии в мире множества государств, каждое из которых ревностно бережет свою автономию. К тому же ряд государств имеет культурную предрасположенность и политическую структуру, необходимые для попыток оказания влияния на другие страны; они не готовы принимать влияние извне.

Да, в 1980-х и 1990-х годах (за исключением событий 1989 года⁵) трехнаправленное развитие Китая – экономическое, военное и политическое – еще не нарушало мирового соотношения сил, но только потому, что Китай еще не разбогател, не сделался сильным и влиятельным по американским меркам – или по японским; для Европы и Латинской Америки он по-прежнему оставался экзотическим и закулисным персонажем. Но враждебная реакция фактически неизбежна, если экономический и военный рост Китая вырвется за пределы, единодушно приемлемые с точки зрения других держав – когда будет превзойден порог беспрепятственного восхождения КНР.

³ См. Minnie Chan. «PLA Delegates Go into Battle against Improper Spending» // South China Morning Post, 10 марта 2011 г. Отрывок: «Программа аудита, в ходе которой проверили около 10 000 военнослужащих в 126 700 подразделениях – 2006–2010 годы, – выявила нецелевые расходы в размере почти 2,8 миллиарда юаней на строительные проекты и 1,5 миллиарда юаней на закупки оборудования (<http://www.ftchinese.com/story/001039153/en>)». Правда, это небольшие суммы, признаки скорее ошибок, а не хищений. Зато в отчете Банка Китая от 17 июня 2011 года указывается, что 17 000 партийных работников, полицейских и сотрудников судебной системы, а также менеджеров государственных предприятий сбежали из страны (до 2008 года), прихватив с собой до 8 миллиардов юаней (123,6 миллиарда долларов США). О НОАК ничего не сказано, однако мелкие хищения в армии – обычное дело: случай 2006 года с вице-адмиралом Ваном Шуэ, одним из пяти заместителей командующего ВМС, присвоившим 15 миллионов долларов, в общем-то нетипичен.

⁴ Причем не только вследствие своей злонамеренности; см. по этому поводу работу Мартина Жака «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового глобального порядка» (Martin Jacques, *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin, 2010). Давний член британской компартии, Жак таким вот образом утешает тех, кого глубоко разочаровал крах Советского Союза, и предсказывает падение западного мира.

⁵ Имеются в виду протестные акции, кульминацией которых стала так называемая бойня на площади Тяньаньмэнь в Пекине. – *Примеч. перев.*

С учетом такой естественной реакции сопротивления любой дальнейший рост китайского могущества может быть одобрен другими державами лишь при наличии радикальных изменений внутри страны или вне ее границ – будь то демократизация самого Китая с последующей легитимацией правительства или появление новых, более серьезных угроз, способных превратить Китай из угрозы в желанного союзника (стоит обратить внимание на Пакистан: чем сильнее Китай, тем все охотнее Пакистан рассматривает его как важного покровителя).

Демократизация вряд ли обнулит значимость возвышения Китая и спровоцированной этим возвышением реакции – ведь даже сугубо демократические Соединенные Штаты Америки сталкиваются порой с сопротивлением со стороны собственных союзников просто по причине чрезмерной мощи.

Но если демократизация Китая все-таки состоится и политика страны перестанет формироваться в обстановке совершенной секретности немногочисленными партийными руководителями, если она сосредоточится на общественном благе, а не на обретении могущества, тогда мир станет меньше опасаться возвышения Китая, а китайские соседи и другие сверхдержавы снизят накал сопротивления. Демократизация не сможет отменить логику стратегии, которая требует нарастания сопротивления при усилении могущества, зато она отодвинет порог беспрепятственного возвышения Китая.

Вообще Китай в своем развитии уже преодолел этот порог в экономической, военной и политической областях, тем самым «разбудив» парадоксальную логику стратегии⁶ через реакцию больших и малых стран, которые начали отслеживать китайскую мощь, противодействовать ей, умалять ее и перенаправлять.

На любом уровне, от уличной поножовщины до многосторонних взаимоотношений большой стратегии в мирное время, логика неизменно гласит, что действие (здесь – укрепление могущества) влечет ответную реакцию, которая не обязательно остановит это действие, но непременно затормозит его простое, линейное развитие.

Тут – из-за увеличения противодействия других стран – дальнейший стремительный рост экономического потенциала и военной мощи КНР, а также усиление регионального и глобального влияния неминуемо прекратятся. Если китайские лидеры проигнорируют предупреждающие сигналы и двинутся вперед, парадоксальная логика стратегии приведет к тому, что вместо наращивания могущества мы увидим его ослабление по мере роста сопротивления.

Нельзя утверждать, что налицо ход событий, предопределенный уже наметившимися тенденциями, ибо на пути к превращению в мировую сверхдержаву через непрерывное нарастание экономического, военного и политического влияния Китай может столкнуться с непредвиденными препятствиями⁷. Сама логика стратегии подсказывает, что можно ожидать замедления и даже частичного прекращения подъема Китая; первое более вероятно, если китайская политика будет более примирительной или даже сговорчивой, а второе вероятнее при более решительном характере этой политики.

Ничто из сказанного выше не предопределяет провокационного или угрожающего поведения китайцев. Все обуславливается естественным откликом на стремительное усиление могущества державы, столь немалой по территории. Учитывая размеры Китая, быстрое развитие страны является дестабилизирующим фактором само по себе, вне зависимости от поведения Китая на мировой арене. Поэтому прозвучавшие недавно призывы – мол, Китаю необходим свой Отто фон Бисмарк для менее контрпродуктивной внешней политики – бьют мимо цели: дело не в поведении Китая, а в разрастании его и без того изрядных возможностей.

⁶ См. *Edward N. Luttwak. Strategy: The Logic of War and Peace*, rev. ed. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002). Рус.: Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М.: АСТ, 2021.

⁷ Так, в марте 2011 года сильнейшее в истории Японии землетрясение случилось как раз тогда, когда общество было деморализовано затянувшейся экономической стагнацией, которая усугублялась дефицитом достойных политических лидеров во власти.

Пассажиры перегруженного лифта, куда только что зашел большой и толстый «мистер Китай», должны ради самозащиты как-то реагировать, если он вдруг начнет раздуваться дальше, вжимая остальных в стенки кабины – даже избегая угроз, более того, вежливо и дружелюбно. Конечно, в кабине переполненного лифта уже расположился еще более толстый и крикливый «мистер Америка», склонный к проявлению насилия, однако к нему в целом привыкли за десятилетия совместной езды и почти смирились с фактом его присутствия – против разве что Куба, Иран, Северная Корея и Венесуэла, этикие наглядные доказательства респектабельности «мистера Америки». Важнее всего то, что «мистер Америка» раздувается не слишком быстро и не нарушает достигнутые в прошлом договоренности и компромиссы размещения; кроме того, от него не приходится ожидать внезапных угроз, так как американский процесс принятия решений в основном открыт и демократичен.

Глава 2

Преждевременная напористость

Вышло так, что в последнее время Китай далеко не по-дружески ведет себя со многими странами, а с некоторыми даже переходит на язык угроз.

Благодаря неприметному, казалось бы, процессу, значение которого стало понятным в ретроспективе, финансовый кризис 2008 года, мнимый упадок «Вашингтонского консенсуса»⁸ и не менее мнимое утверждение «Пекинского консенсуса» придали смелости китайской правящей элите – в частности, обернулись существенным поведенческим сдвигом, проявившимся в 2009–2010 годы. Тон и содержание китайских официальных заявлений внезапно изменились, сделались резкими и напористыми по множеству вопросов, от финансовой политики до значимости демократии западного образца. В особенности поразительным оказалось неожиданное возобновление «спящих» территориальных споров – с Индией, Японией, Филиппинами и Вьетнамом, – причем приблизительно одновременно, что усугубило общее впечатление. За этой сменой политики последовали, как и можно было ожидать, фактические пограничные инциденты с кораблями или островными заставами, будь то японскими, филиппинскими или вьетнамскими, и череда таких эпизодов удлинняется до сего дня.

Поскольку ни словесные перепалки, ни фактические инциденты не имели и не могли иметь конкретных политических целей, они не способствовали удовлетворению китайских территориальных претензий. Некоторые наблюдатели даже сделали вывод, что правители Китая «сорвались» вследствие нежданного роста благосостояния страны, а потому откровенное высокомерие потеснило прежнюю осторожную и сдержанную политическую тактику. В доказательство такого вывода можно привести официальные заявления, лишённые практической пользы, зато характеризующиеся заметной гордыней. Так, 16 февраля 2009 года Си Цзиньпин, уже утвержденный преемник Ху Цзиньтао, заявил в Мехико: «Некоторым иностранцам с толстым брюхом негоже тыкать пальцами в нашу страну»⁹. Даже представитель китайского МИД невысокого ранга Цзян Юй проявила высокомерие и 3 марта 2011 года, когда иностранные журналисты пожаловались на притеснения и захотели уточнить, какие законы на них распространяются, ответила: «Не используйте закон в качестве щита»¹⁰. Кажется, именно в МИД надменность в особой чести; пожалуй, лишь заместитель министра Фу Ин, ассимилированная монголка, склонная к изысканности, возможно, потомок самого Чингисхана, несколько выделяется в этом отношении среди своих коллег.

Альтернативное объяснение состоит в том, что сторонники напористой позиции – в различных ведомствах в целом и поборники территориальных споров в частности – преследуют собственные цели, значимые именно для их ведомств и/или для них самих лично, пусть от этого страдают интересы Китая. Например, министр иностранных дел Ян Цзечи подтвердил обвинения в высокомерии на 17-м региональном форуме Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Ханое, заявив 17 июля 2010 года, что морские территориальные споры между Китаем и странами – членами АСЕАН (в том числе Вьетнамом, страной-хозяйкой форума) не могут быть разрешены путем многосторонних переговоров; это было сказано на международ-

---

⁸ Макроэкономическая политика, навязываемая МВФ и Всемирным банком государствам в состоянии финансового и экономического кризиса. Эта политика призвана усиливать рыночные рычаги и снижать долю государственного сектора в экономике. – *Примеч. перев.*

⁹ См. *Malcolm Moore*. «China's 'Next Leader' in Hardline Rant: Xi Jinping, the Man Earmarked to Become China's Next President, Has Roundly Attacked His Country's Critics while Giving a Speech in Mexico» // *The Telegraph*, 31 марта 2012 г.; <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/4637039/Chinas-next-leader-in-hardline-rant.html>.

¹⁰ См. *The Banyan blog*, «The Law in China: A Spear Not a Shield» // *The Economist*, 4 апреля 2011 г.; http://www.economist.com/blogs/banyan/2011/04/law_china.

ном форуме (!): «Превращение двусторонней дискуссии в международную или многостороннюю только усугубит противоречия и усложнит процесс разрешения спора». Ян Цзечи отрицал, что в регионе не все обстоит благополучно: «Никто не верит, будто миру и стабильности в регионе что-либо угрожает»¹¹. Предсказуемым итогом подобных заявлений было сближение Вьетнама и Филиппин с Соединенными Штатами Америки, зато левые (читай: националистические) круги КНР похвалили МИД и, без сомнения, самого Яна Цзечи.

В китайской системе политику определяют партийные лидеры в узком составе, так что МИД является всего-навсего исполнительным органом малого значения. Но у МИД явно достаточно свободы действий для того, чтобы преследовать собственные цели при довольно гибкой форме коллективного руководства страной, преобладавшей во времена Ху Цзиньтао.

Третье объяснение заключается в том, что китайские лидеры верят, будто напористая, даже угрожающая риторика и провокационные действия могут способствовать достижению результата, побудить другие страны к переговорам по поводу неразрешенных споров, причем в примирительной манере; эта вера, помимо прочего, глубоко укоренена в китайской культуре. Об этом подробнее мы поговорим ниже, а сейчас укажем, что сдвиг в поведении КНР после 2008 года, подмеченный многими наблюдателями, действительно имел место в реальности – хотя миролюбивая и вполне приемлемая для других стран доктрина «Мирного развития» (*Zhōngguó hépíng fāzhǎn*, более известна под своим оригинальным названием «Мирное возвышение» – *Zhōngguó hépíng juéqǐ*), представленная миру старшим советником Ху Цзиньтао Чжэном Бицзянем, не была ни отменена, ни дополнена.

Напротив, стратегическая, а не тактическая приверженность миролюбивой и неагрессивной политике получила официальное подтверждение в пространной (7 тысяч слов) статье высокопоставленного китайского чиновника – государственного советника Дая Бинго. При очевидной примирительности инициативы сама пространность монолога в защиту официальной политики «Мирного развития» ставит вопрос о влиянии левой (националистической) и военной оппозиции, которая публично требует более напористой внешней политики. Наконец 31 марта 2011 года Чжэн Бицзянь, чье положение укрепилось благодаря важной роли при организации визита Ху Цзиньтао в Вашингтон в январе 2011 года, направил дуайену¹² иностранных корреспондентов в Пекине Франческо Сиши официальное заявление, начинавшееся с признания того факта, что возвышение Китая вызывает беспокойство и требует подтверждения политики «Мирного развития»¹³.

К концу 2010 года сдвиг в поведении Китая будто бы уступил место обратному устремлению: состоялся ряд официальных визитов, призванных укрепить двусторонние отношения, последовали различные миролюбивые инициативы, обнадеживающие декларации и обещания увеличить инвестиции и импорт в те страны, которые особенно встревожил рост китайского экспорта¹⁴.

Двумя самыми заметными эпизодами этой стадии отношений были визит премьера Госсовета КНР Вэня Цзябао в Индию (в сопровождении около 400 бизнесменов и менеджеров) и визит председателя КНР Ху Цзиньтао в США, стартовавший в Вашингтоне 19 января 2011 года.

Оба визита прошли довольно гладко, однако вряд ли достигли заявленных целей, хотя от визита Ху Цзиньтао ожидали многого, о чем автор этих строк узнал заблаговременно от главного организатора поездки – Чжэна Бицзяня, который сопровождал Ху Цзиньтао в Вашингтон

¹¹ См. Wall Street Journal, Asia, 26 июля 2010 г.

¹² В дипломатии – старейший (по возрасту и/или сроку работы в конкретной стране) представитель дипкорпуса. Здесь слово употреблено в том же значении вне дипломатического контекста. – *Примеч. перев.*

¹³ См. Приложение «Хроника появления и крушения “Мирного возвышения”».

¹⁴ См. Dai Bingguo. Adhere to the Path of Peaceful Development (официальный перевод статьи Janchi zou heping fazhan zhi lu) // Waijiaobu ivangzhan, 6 декабря 2010 г., Xinhua News Agency.

и оказался вторым в табели о рангах на официальном обеде в честь китайской делегации. Рассказывая мне еще в Пекине о предложенной КНР повестке из десяти пунктов, Чжэн Бицзянь убежденно настаивал – быть может, в большей степени вследствие собственного желания, чем будучи на самом деле в уверенности, – что китайская сторона готова приложить необходимые усилия для решения срочной задачи по прекращению эрозии китайско-американского сотрудничества и восстановления добросердечия (см. Приложение)¹⁵.

Китайские ожидания относительно результатов этих двух визитов (слишком оптимистические ввиду опасений, этими визитами вызванных) характеризовались откровенным пренебрежением к беспокойству других стран – иначе говоря, «великодержавным аутизмом»; китайский вариант этой болезни особенно опасен, ибо он поразил страну с самым многочисленным в мире населением¹⁶.

---

¹⁵ См. *Zheng Bijian*, интервью Франческо Сиши: «Ordine, riforme e ap-ertura airOccidente: Il teorico di Hu Jintao ci spiega la nuova ideologia della Cina» // *Il Sole*, 24 Ore, 31 марта 2011 г.

¹⁶ До тех пор пока население Китая численно превосходит население Индии (впрочем, по численности ханьцев не превзойдет никто).

Глава 3

Определение великодержавного аутизма

Во всех великих державах внутривластная жизнь столь насыщена, что лидеры и лица, ответственные за общественное мнение, не могут уделять достаточное внимание внешним делам; исключения составляют лишь периоды кризисов. Этим державам не свойственно постоянно беспокоиться о событиях на международной арене, в отличие от малых стран сходного уровня развития. В конце концов, индивидуальное восприятие и интеллектуальные способности людей одинаковы как в устоявшихся странах, где население составляет несколько миллионов человек, так и в мегастранах, таких как Российская Федерация, США, Индия и Китай, где лидеры каждый день имеют дело с насущными внутренними проблемами или даже с чрезвычайными ситуациями в дополнение к обычным рабочим заседаниям и официальным обязанностям.

В результате складывается не просто невнимание к внешнему миру. Напротив, для лидеров великих держав и даже для целых правящих политических элит вполне обыденно уделять внимание внешним делам только ради приятного отвлечения от суровых вызовов внутренней политики, где почти каждое решение, приемлемое для одних, оказывается неприемлемым для других (причем не для иностранцев, без политической поддержки которых можно и обойтись).

Великодержавный аутизм хуже невнимания именно потому, что в отсутствие серьезного и тщательного изучения вопроса люди, ответственные за принятие решений, не могут вникать в суть дел с надлежащей тщательностью, даже если им предлагается соответствующая информация (последнее маловероятно: сотрудники разведки придерживаются правила не говорить высшим руководителям то, чего те не хотят слышать, иначе карьера пострадает). Обыкновенно решения по внешнеполитическим вопросам принимаются на основании крайне упрощенных, схематичных представлений о сложных и неподатливых реальностях, которые тем самым искажаются ради втискивания в придуманные аналитиками понятия, ожидания и перспективы. Только так политик из Массачусетса или Мичигана, считающий себя недостаточно квалифицированным для рассуждений о местных проблемах, скажем, штата Миссисипи («слишком чужой, чтобы разбираться в местных делах»), может без тени сомнения высказываться по поводу наилучшего выбора для Афганистана, Ирака или Ливии.

Вот почему, полагаю, умнейшие люди Пекина способны убедить самих себя в том, что визит в Индию премьера Вэня Цзябао способен унять многочисленные опасения и тревоги, вызванные новыми китайскими инициативами¹⁷, – ведь Индии предлагается привлекательная перспектива выгодных коммерческих сделок с Китаем.

В этом случае, как часто бывает, схематичное представление принимает знакомый облик кривого зеркала, вводящий в заблуждение: для многих китайцев китайский бизнес действительно бизнес, а индийский бизнес – это сама Индия, поскольку ее внутренние экономические интересы не сильно отражаются на внешней политике, где доминируют интересы профессиональных дипломатов и позиции наиболее идеологизированных среди избранных политиков (будь иначе, отношения между США и Индией вряд ли развивались бы так, как происходило с 1947 года и до последнего времени).

Всевозможные выгоды, сулимые китайскими бизнесменами и коммерсантами их индийским коллегам, в основном малозначимы для чиновников и политиков, которые порой дей-

---

¹⁷ Возобновление притязаний на территорию нынешнего индийского штата Аруначал-Прадеш (см. далее), непризнание власти индийского правительства над Джамму и Кашмиром, отказ выдавать визы уроженцам Кашмира с индийскими паспортами, поставки ядерных материалов Пакистану – все это логично трактуется как «безрассудные действия» Китая (из частных бесед с индийскими должностными лицами).

ствуют из соображений личной выгоды, а никак не в экономических интересах страны и которые знают, что нельзя допускать каких-либо территориальных уступок, если не хочешь лишиться должности (или даже головы).

Наверное, это затруднительно понять китайским лидерам, которые в последние годы почти добровольно уступали территории или как минимум отказывались от давних территориальных притязаний ради урегулирования территориальных споров с соседними странами: с Афганистаном (китайская сторона уступила 100 % спорной территории), с Бирмой (Мьянмой) (82 % территории), Казахстаном (66 %), Кыргызстаном (68 %), Лаосом (76 %), Монголией (65 %), Непалом (94 %), Северной Кореей (60 %), Таджикистаном (96 %) и Вьетнамом (50 %). С Советским Союзом, а затем с Российской Федерацией переговоры успешно завершились 50 %-ной уступкой каждой стороны¹⁸. (Как мы увидим, все это резко противоречит твердости Китая в морских препирательствах.)

Судя по всему, с китайской точки зрения оспариваемые территории прагматически воспринимались как предмет торга, а в силу своей относительной малости и невеликой ценности – притом что их население было немногочисленным и в основном не принадлежало к ханьцам – годились на уступки. Одна из целей Китая заключалась в устранении преград для трансграничной торговли, экономически не слишком-то важной на национальном уровне, но политически значимой для отдельных регионов, поскольку такая торговля способствовала обогащению и стабилизации строптивного некитайского населения пограничных территорий; другая цель состояла в том, чтобы убрать препятствия к сотрудничеству в области безопасности в отношении тех же самых народностей, живущих по большей части в сопредельных государствах. Дабы обеспечить сотрудничество пограничных властей по обе стороны в подавлении диссидентов-инородцев, требовалось определить и провести границы в духе взаимного согласия, и китайцы были готовы платить эту цену.

Компромиссы по образцу деловых сделок разрешили территориальные споры с двенадцатью соседями Китая через раздел спорных территорий на суше, так как для китайцев это был фактически обмен собственностью, а сами территории не отличались экономической привлекательностью.

С другой стороны, для Индии (для реальной Индии, а не для схематического представления о ней) границы имеют совершенно иное значение, не оставляющее места для прагматических компромиссных сделок по разделу спорных территорий.

Это наследие бывшей колониальной метрополии – Великобритании, у этих границ нет индийского исторического происхождения или какой бы то ни было органической легитимации.

Поэтому любая уступка территории времен 1947 года ставит под сомнение легитимацию Индии в целом¹⁹.

Британцы произвольно исключили Бирму, Цейлон и Сикким из Индийского Союза, прежде чем предоставить Индии независимость, зато включили в состав союза Ассам, не более хиндигворящий или «индийский», чем Цейлон или Бирма, от которой Ассам отторгли.

Цель китайских территориальных притязаний – штат Аруначал-Прадеш – тоже «выкроили» из наследия Ассама, как и штаты Нагаленд, Мегхалая и Мизорам; если отдать один из них как не принадлежащий Индии или «не индийский», это будет означать и отказ от других.

Сменявшие друг друга индийские правительства различного политического толка, столкнувшись с проблемами легитимации, не находили вариантов решения территориального спора в бесконечном конфликте Джамму и Кашмира; ведь территория, по сути, неотделима от леги-

¹⁸ См. *M. Taylor Fravel. Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict in China's Territorial Disputes* (Princeton: Princeton University Press, 2008), таблица 1.3, сс. 46–47.

¹⁹ В отличие от присоединения Гоа, Дамана, Диу, Дадры и Нагары, захваченных у португальцев к 1961 году, или Сиккима, фактически аннексированного в 1975 году.

тимации индийского суверенитета над всей территорией страны. По тем же соображениям никакое разумное индийское правительство не сможет уступить даже часть штата Аруначал-Прадеш Китаю. Похоже, те, кто принимает решения в Пекине, видят Индию не такой, какова она есть на самом деле, а опираются на схематичное представление о ней – как если бы она была вторым Китаем и прагматически относилась к собственной территории.

Китайские аналитики, несомненно, подчеркнут, что американцы тоже подвержены великодержавному аутизму как таковому и привычке рассматривать соседей в кривом зеркале. Вдобавок «кривозеркальный» образ других стран присущ узкой элитной прослойке городских секуляристов, которая не может выражать интересы всего американского общества. Например, эта элита часто толкует религиозную агитацию как оппортунистическое выражение политического или экономического недовольства, а не как всплеск религиозного недовольства вторжением модерности²⁰ – пускай это чувство разделяют многие простые американцы, посещающие церковь.

Русские тоже, как правило, усматривают в мотивах других почти исключительно русские устремления. Классический пример – расширение НАТО после окончания холодной войны через принятие в ряды организации бывших коммунистических сателлитов и трех бывших советских прибалтийских республик.

Для американцев этот шаг виделся самым быстрым и дешевым способом стабилизировать хрупкие демократические режимы в указанных странах (процедура вступления в Европейский союз куда медлительнее); предполагалось, что сами русские примут участие в этом процессе, получив приглашение к сотрудничеству с НАТО, которое перестало быть антисоветским и вовсе не стремилось становиться антирусским.

Тем не менее для русских (почти для всех представителей политической элиты России, которых автор знает либо лично, либо по их трудам²¹) расширение НАТО было просчитанным и враждебным ходом американцев, наступлением, размещением военного потенциала ближе к Москве, как того страстно желал Пентагон, – шагом к тому же вероломным, ведь перед выводом советских войск из Восточной Европы США дали устное обещание, что НАТО не будет расширяться на восток (так и было, в общем-то²²).

Имеется бесчисленное множество более мелких примеров «кривозеркального» воображения русскими чужих мотивов, и ясно, что здесь главным «кирпичиком», объединяющим схематичные представления более сложных реалий, выступает приписывание другим злонамеренных мотивов поведения. Обычно русские исходят из того, что иностранцам нужна ослабленная, бедная, небезопасная и менее счастливая Россия, а все благожелательные слова и даже дела не более чем камуфляж. Таков подтекст повседневной подачи в русских СМИ иностранных новостей, причем не только в тех, которые прямо контролируются властями. Авторитарным лидерам, безусловно, выгодна подобная ложная интерпретация, но нужно учитывать, что они сами искренне в нее верят.

Китайские лидеры еще более синоцентричны и потому больше подвержены аутизму, чем русские – русскоцентричны, а американцы – американоцентричны; в первую очередь дело в том, что внутренние реалии китайцев не просто более масштабны, а динамичны и нестабильны: каждый день в каком-нибудь уголке Китая случается достаточно серьезная чрезвычайная ситу-

²⁰ Под «модерностью» принято понимать совокупность социальных практик индустриализации, урбанизации и секуляризации, обеспечивших появление современного индустриального общества. – *Примеч. перев.*

²¹ Как одного из тех, кто подписал декларацию Сюзан Эйзенхауэр и Роальда Сагдеева против расширения НАТО, меня довольно часто упоминают в русских работах по данной теме. Интервью 2011 года в Москве, на президентской конференции в Санкт-Петербурге и на сентябрьском форуме в Ярославле не выявили каких-либо изменений в восприятии расширения НАТО.

²² Сегодня установлено, что, помимо «обещаний на словах», были и письменные подтверждения: знаменитая «телеграмма Бейкера» и др., – но соответствующих договоров не заключали. – *Примеч. перев.*

ация, приковывая к себе внимание высшего руководства страны, будь то землетрясение, крупное наводнение, этнические столкновения, неожиданные экономические вызовы вроде резкого роста цен на продукты питания или реальная или воображаемая внутривнутриполитическая угроза.

Многочисленные свидетельства подтверждают тот факт, что лидеры Коммунистической партии Китая (КПК, Zhōngguó Gòngchǎndǎng) в своих оценках значительности тех или иных политических угроз проявляют чрезмерную предусмотрительность (если это подходящее наименование для свойственного им неистового преувеличения малейших угроз стабильности режима). Или же аппарат органов госбезопасности нарочно раздувает значение внутренних угроз. В любом случае внимание лидеров КПК целиком поглощается этими угрозами заодно с цепной реакцией, порождаемой их собственными чрезмерными репрессивными мерами. Скажем, весной 2011 года очень робкие попытки импортировать в Китай североафриканскую («жасминовую») модель народных волнений через призывы в социальных сетях к собраниям и демонстрациям обернулись суровыми мерами. В то время как реальные попытки не вышли за пределы нескольких сообщений в социальных сетях, немалое число воинственно настроенных сотрудников полиции общественной безопасности оказалось на центральных улицах – на пекинской Ванфуцзин и прочих, – готовое подавлять мнимые протесты. Ни в чем не повинным проходим и целым семьям китайских туристов строго приказывали немедленно удалиться. Не помешало отсутствие ожидавшихся демонстраций и проведению по всему Китаю арестов «обычных подозреваемых» – известных правозащитников, борцов за главенство закона, независимых профсоюзных организаторов и сторонников политической либерализации. Это, в свою очередь, привлекло юристов, которые – как правило, безуспешно – пытались защищать этих «штатных подозреваемых», на что власти отреагировали арестами самих юристов. Помимо всего прочего, прозвучал призыв к населению не вмешиваться. Для усиления впечатления от превентивного запугивания в пекинском аэропорту с показным драматизмом арестовали ведущего представителя независимо мыслящей, но принадлежащей к местному истеблишменту китайской творческой среды художника Ай Вэйвэя, когда тот пытался вылететь в Гонконг. Выступления в защиту Ай Вэйвэя прокатились по всему миру и даже сказались на дорогостоящих китайских инвестициях в павильон венецианской Биеннале, что существенно увеличило реальные политические издержки воображаемой «жасминовой» угрозы.

Таким образом, в отсутствие землетрясений, наводнений, крупных беспорядков или внешних экономических проблем²³, способных отвлечь внимание китайских лидеров от сложностей внешнего мира, эти лидеры выдумывают себе затруднения сами, преувеличивая малейшие политические угрозы и буквально внушая себе их реальность.

Эта модель поведения очень важна, она отражает постоянный фактор китайской политики – структурную нестабильность положения лидеров КПК, чья власть не опирается ни на демократию, ни на идеологию, в отличие от власти предшественников (при всех объективных достоинствах этой идеологии). Попытки оживить легитимацию посредством коммеморативных кинохитов или официально организованного хорового пения не привели к подлинно позитивным результатам, обернулись одновременно насмешками и презрением образованного класса.

Китайские руководители, очевидно, осознают свое затруднительное положение: явным тому свидетельством служат внушительные меры безопасности в самом Пекине и вокруг города. В Москве и Вашингтоне в последние годы меры безопасности тоже стали строже,

²³ Например, 30 июня 2011 года было объявлено, что средняя стоимость свинины достигла 25 юаней/кг (выросла на 70 % за 12 месяцев), а средняя цена живого веса для бойни составила 19,26 юаней/кг (больше на 85 %). Когда продовольствие дорожает, неравенство в доходах приобретает дополнительное политическое значение (источник: South China Morning Post). В настоящее время этнические беспорядки продолжаются в районе Внутренняя Монголия: убийство местного пастуха обнажило подоплеку борьбы за принадлежавшие монголам пастбища (см. Southern Mongolian Information Center, «Herders take to the streets, four arrested», http://smhric.org/news_378.htm).

но в Пекине они открыто предназначены для подавления народных выступлений, тогда как в Москве и Вашингтоне это способы предотвращения единичных террористических актов.

Еще больше удивляет недоверие высшего китайского руководства к собственной службе безопасности. Так, прямо у главных ворот парка у озера Чжуннаньхай, на западе от «Запретного города», располагается одноименный огромный огороженный стеной квартал, в котором находятся различные залы заседаний, партийные учреждения и резиденции местных лидеров. Таков китайский Кремль или Белый дом, гораздо более крупный по размерам (говорят, что нынешний верховный руководитель КНР Ху Цзиньтао там не живет, но это, естественно, государственная тайна).

Недоверие к службе безопасности дает о себе знать на традиционном извилистом пути, маскирующем главный въезд на бульвар Чанъань, центральную улицу Пекина: этот въезд охраняют сотрудники сразу трех различных полицейских формирований – национальная полиция в черном, полувоенная народная вооруженная милиция в зеленом и полиция безопасности в белом²⁴; никто не держит оружие открыто, каждый пост подчиняется своему командиру, а тот – своим начальникам.

По всей видимости, ни одному из этих полицейских формирований полностью не доверяют – и правильно делают: стражи порядка день ото дня видят, в какой роскоши живут лидеры КНР, а сами вынуждены существовать в довольно дорогом Пекине на маленькую зарплату. Потенциал недовольства налицо, и известен минимум один случай, когда он дал о себе знать. Хотя охрану озера Чжуннаньхай изрядно усилили после многолюдных демонстраций на площади Тяньаньмэнь в 1989 году недалеко от бульвара, утром 25 апреля 1999 года граждане с изумлением узрели около 10 000 последователей организации «Фалунь Дафа» (или «Фалуньгун»), которые держались за руки в знак безмолвного протеста. Они, разумеется, не проникли бы в квартал без содействия полиции – по крайней мере, без пассивности с ее стороны.

Так или иначе, иностранные наблюдатели не обращают внимания на нынешнюю политическую нестабильность лидеров КПК, тем самым упуская из виду важный источник мотивации их поведения и главную причину их аутизма по отношению к внешнему миру.

²⁴ Черную форму носят сотрудники министерства общественной безопасности, обычно вооруженные лишь пистолетами калибра 9 мм. В зеленой форме действует полувоеннизированная полиция НОАК (Zhōngguó Rénmín Wǔzhuāng Jīngchá Bùduì) с автоматическими винтовками. А белую форму выдают сотрудникам государственной безопасности, которые вооружены пистолетами, причем оружие полагается прятать из виду.

Глава 4

Исторические корни китайского поведения

Здесь нет необходимости глубоко и подробно описывать другую, гораздо более сложную причину китайского великодержавного аутизма – идиосинкразическую²⁵ историю Китая как единственной великой державы мироздания, окруженной малонаселенными высокогорными плато, холодными степями и тропическими джунглями, из которых порой приходили существенные, даже смертоносные угрозы; при этом у самой державы все же не было достойного соперника из числа тех, с кем можно постоянно поддерживать нормальные отношения, извлекая и оттачивая навыки межгосударственного общения, как происходило в Европе, если вести отсчет от родственных друг другу и нередко имевших общие границы итальянских государств.

Эти итальянские государства сформировали институциональные практики и дипломатические правила, а также выработали технику взаимоотношений, позже усвоенную странами Западной Европы и ныне общепринятую в мировом масштабе. Все начиналось с посланников, наделяемых полным иммунитетом и имеющих официальное разрешение наблюдать и сообщать домой о значимых событиях в стране пребывания, с процедур заключения договоров, в том числе с языковых формулировок и разделения документов на статьи по образцу Кодекса Юстиниана²⁶, а также с неперемного правового обеспечения, подчинявшего внутренние законы международным договорам.

Исходная посылка гласила, что все государства формально равны между собой, вне зависимости от степени могущества (подтверждением чему служил иммунитет всех без исключения послов и пр.), но как раз это равенство исключалось в китайской системе взаимоотношений с сопредельными территориями, существующей более двух тысячелетий. На сегодняшний день имеется ряд гипотез по поводу реального механизма работы этой системы за пределами имперской снисходительности и явных выражений императорского благоволения в виде даров, когда скрываемое презрение к малым народам проявлялось в требовании и получении дани; впрочем, формальное неравенство между Китаем и его соседями непременно учитывается в каждой гипотезе.

Вообще главным благодеянием империи по отношению к платящим дань сопредельным территориям было включение в свою этическую и политическую область – точнее, в концентрические круги Тянься (Tianxia – Поднебесной), расходившиеся от священной особы императора вовне, благодаря чему соседние варварские народы возвышались и забывали о своей недавней дикости. Данники же мирились с этическим и политическим верховенством императора, изъявляя послушание²⁷.

Логика стратегии и такие ее проявления, как «баланс сил», в целом универсальны, но вот представление о Тянься и сама система выплаты дани, возникшая при Западной Хань (считается, что эта династия была у власти с 206 года до н. э. по 9 год н. э.) после длительной и победной все-таки схватки с воинственными кочевниками хунну²⁸, явно и сугубо китайские.

---

²⁵ В данном случае под идиосинкразией понимается, очевидно, неприятие других народов и государств как равных себе. – *Примеч. перев.*

²⁶ Законодательный свод Византийской империи, составленный при императоре Юстиниане I (482–565) и излагавший нормы права в строгом порядке: 12 книг делились на титулы (разделы), те – на отдельные постановления, а последние – на параграфы. – *Примеч. перев.*

²⁷ См. критический обзор: Zhang Feng. «Rethinking the Tribute System’: Broadening the Conceptual Horizon of Historical East Asian Politics» // Chinese Journal of International Politics 2 (2009): 545–574.

²⁸ Возможно, это предшественники гуннов, о которых повествуется в «Истории династии Поздняя Хань» (Hou han shu), приписываемой Фань Е. См. http://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/hou_han_shu.html. Рус.: Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984.

Грозные конники, отменные стрелки из лука, хунну достаточно долго досаждали почти лишенной конницы Хань – до тех пор, пока, после 147 лет войны, вождь хунну (каган, или шаньюй²⁹) Хуханье (имя при рождении Цзихоушань³⁰) не покорился на словах императору Хань Сюань-ди в 51 году до н. э., – он согласился возместить былой урон, оставил сына в качестве заложника и обязался платить дань, как и полагалось «внешнему вассалу» (какое умаление достоинства прежних каганов, поры господства хунну, когда их сыновья и наследники женились на дочерях китайских императоров и сами каганы получали дань от Хань – не наоборот!).

Важным следствием этого исторического поворота стало возникновение особого отношения к варварам – «обхождения с варварами», которое сохраняется в официальном Китае по сей день и принадлежит к основным политическим приемам.

Исправно пополняемый вследствие развития отношений Хань с соседними государствами и племенами на протяжении более двух тысяч лет набор приемов и практик («инструментов») по «обхождению с варварами» был впервые описан и обоснован в 199 году до н. э. видным ученым и советником императора Лю Цзином. Он трудился во времена, когда хунну были еще сильны, а Западная Хань уступала кочевникам тактически (колесницы не годились против конных лучников) и страдала от внутривластного раскола (договор 198 года до н. э. обязал Китай платить хунну ежегодную дань – в основном шелком и зерном), так что равенство закреплялось посредством брачных союзов. Позднее появились императорские послания, явно подтверждавшие равенство в статусе между императором и каганом³¹.

Первым инструментом обхождения с варварами, рекомендованным Лю Цзином³², была, как принято переводить это слово, «коррупция» (точнее будет говорить о «привязанности», или о «вынужденной экономической зависимости»). Исходно самодостаточных экономически хунну предлагалось сделать зависимыми от произведенных в Китае товаров, от изысканных одеяний из шелка и шерстяных тканей вместо их собственных грубых мехов и войлока, а также от всех прочих товаров, производство которых превосходило скромные ремесленные навыки кочевников. Такие товары, поставлявшиеся в качестве дани, следовало, пусть Хань окрепла, поставлять и впредь, но уже в обмен на услуги.

²⁹ Предшественник кагана, вождь (хан) вождей. См. *Nicola di Cosmo*. *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 206 ff. Если верно, что это прародители гуннов, то хунну определенно внесли немалый вклад в появление обеих мировых империй.

³⁰ По китайским источникам. – *Примеч. ред.*

³¹ Там же, с. 193–194.

³² См. Shiji, *The Records of the Grand Historian (or Grand Scribe)*, Sima Qian, vol. 99; cols. 2144 and 2179. Рус.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. В 9 тт. М.: Восточная литература, 1972–2010.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.